

Научно-исследовательская статья

УДК 323

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-76-87

АУТОПОЭЗИС ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: ТВОРЧЕСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК МОДУСЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Ростислав Викторович Васюков

Российский государственный социальный университет,

Москва, Россия,

rostislawwww@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-1904-1875>

Аннотация. Статья посвящена исследованию диалектики творчества и потребления как экзистенциальных модусов бытия в условиях цифровой эпохи. Автор рассматривает аутопоэзис творческой личности как процесс самоосуществления в творчестве, позволяющий сохранять субъектную автономию вопреки давлению потребительских практик и алгоритмизации современного общества. Через междисциплинарный синтез философских, социологических и психологических подходов анализируются ключевые вызовы, стоящие перед творческим субъектом.

Особое внимание уделяется роли цифровой среды, которая, с одной стороны, усиливает давление на человека через нейромаркетинг и геймификацию, а с другой стороны, открывает новые возможности для творческого становления. В статье развивается идея, согласно которой ответом на обозначенные вызовы становится формирование аутопоэтической субъектности — личности, сочетающей критическую рефлексию, адаптивную резистентность и онтологическую устойчивость. Такой субъект открыт глобальным вызовам и одновременно герметичен по отношению к потребительским практикам и соблазнам.

Ключевые слова: творчество, потребление, аутопоэзис, цифровая эпоха, мотивация, личность, индивид, общество

Для цитирования: Васюков Р. В. Аутопоэзис творческой личности: творчество и потребление как модусы экзистенциального выбора в цифровую эпоху (социально-философский аспект) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 4 (56). С. 76–87. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-76-87>

Scientific research article

UDC 323

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-76-87

AUTOPOIESIS OF THE CREATIVE PERSONALITY: CREATIVITY AND CONSUMPTION AS MODES OF EXISTENTIAL CHOICE IN THE DIGITAL AGE (SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT)

Rostislav V. Vasyukov

Russian State Social University,
Moscow, Russia,
rostislawwww@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-1904-1875>

Abstract. The article is devoted to exploring the dialectic of creativity and consumption as existential modes of being in the digital era. The author examines the autopoiesis of the creative personality as a process of self-realization through creativity, enabling the preservation of subjective autonomy in the face of pressures from consumer practices and the algorithmization of contemporary society. Through an interdisciplinary synthesis of philosophical, sociological, and psychological approaches, the key challenges facing the creative subject are analyzed. Particular attention is paid to the role of the digital environment, which, on the one hand, amplifies pressure on individuals through neuromarketing and gamification, and on the other hand, opens new opportunities for creative development. The article advances the idea that the response to these challenges lies in the formation of autopoietic subjectivity — a personality combining critical reflection, adaptive resistance, and ontological resilience. Such a subject remains open to global challenges while staying impervious to consumer practices and temptations.

Keywords: creativity, consumption, autopoiesis, digital era, motivation, personality, individual, society

For citation: Vasyukov R. V. (2025). Autopoiesis of the creative personality: Creativity and consumption as modes of existential choice in the digital age (Socio-philosophical aspect). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (4 (56)), 76–87. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-76-87>

Постановка проблемы

Появление высших творческих способностей в человеке эпизодично, но в человеческом представлении продолжает жить идеал человека-творца, неутомимого, плодотворного, беззаветно преданного своему делу. Биографический опыт творческих личностей, исследованный А. Маслоу в работе «Мотивация и личность» [Маслоу, 2019, с. 186–232], продемонстрировал, что творческий человек XX века, как правило, чаще пребывал в состоянии поиска или ожидания озарения, чем в акте непосредственного созидания, «пикового творческого переживания». Самоактуализирующимся

личностям, по его наблюдениям, в принципе было свойственно тратить львиную долю времени не на творческий порыв, а на подготовку почвы для творчества — размышления, эксперименты, сомнения.

Современное состояние человека и его дальнейшие перспективы характеризуются тем, что творческое усилие и пиковые переживания, связанные с творчеством, оказываются под угрозой полного исчезновения. Индивиду все сложнее выйти за пределы экзистенциального режима бесконечного поглощения контента, объемы которого лавинообразно нарастают в цифровой среде. Подлинная новизна и оригинальность достигаются лишь ценой тяжелых усилий, не гарантирующих результата, и осознание необходимости такого напряжения, в условиях возможности получения удовольствия здесь и сейчас, чаще толкает не на творческий прорыв, а в лучшем случае на продуктивную критическую реакцию или в худшем — на язык вражды. Попытки собственно го творчества нередко остаются вторичными, и даже если случаются, то воспроизводят утвердившиеся стереотипы и образцы. Искушение моментальным потреблением, доступным здесь и сейчас, неотвратимо увлекает человека прочь от экзистенциальной глубины творческого акта, затягивая в плоскость потребительского существования.

Вероятно, если продолжать линию франкфуртской школы или еще ранее Н. А. Бердяева [Бердяев, 1989, с. 320–450], можно предположить, что социальное конструирует защитный механизм, призванный удержать индивида на периферии творческого процесса. Часто в массовом сознании происходит либо мифологизация гения — недосягаемого образа, окруженного ореолом исключительности, которая выполняет сдерживающую функцию и словно внушает: «Остановись, творчество — удел избранных, до которых тебе далеко...». Либо активируется нарратив о проклятии творца, согласно которому те, кто осмеливается творить, якобы обрекают себя на маргинальность, разрушая собственную жизнь и жизни окружающих, принося в жертву творчеству все.

Эти крайности сакрализации и демонизации творчества формируют сдерживающую систему социальных ожиданий. С одной стороны, недостижимый идеал, требующий сверхусилий или изначальной принадлежности к касте избранных; с другой — стигматизированный образ социально опасного маргинала, чьи эксперименты несут угрозу стабильности. Подобное противоречие словно отражает глубинный страх общества перед опасностью подлинного творческого акта, поскольку массовизация творческой установки способна нарушить гомеостаз текущей конфигурации социальной системы. Наступившая эпоха релятивизма и дальнейшие перспективы формализации разума открывают все большие возможности для идеологических манипуляций [Хоркхаймер, 2011, с. 29–31]. Вместо творчества «мягкая сила» цифровой среды предлагает индивиду более приятное «здесь и сейчас», безопасную роль зрителя — восхищаться «творчеством» со стороны, приобщаться к нему в формате комментариев, лайков и репостов.

Многочисленные эмпирические исследования, анализирующие трансформации когнитивных установок и психологических паттернов в условиях

цифровой эпохи, фиксируют устойчивое усиление тенденций, связанных с про-крастинацией, поведенческой пассивностью и — в терминологии К. Метца — зрительским вуайеризмом [Метц, 2013, с. 82]. Данные феномены, как демонстрируют работы в области философии медиа и социальной психологии, подрывают субъектность современного человека, трансформируя его роль из активного агента в пассивного наблюдателя, склонного к заимствованию чужих идей и нарративов при одновременной утрате мотивации к собственному творчеству.

Потребление сегодня приобретает противоречивое значение. Социально-экономическая система стремится его стимулировать, однако культурное сознание частично все еще клеймит как явление низшего порядка, лишенное онтологической глубины. Тем не менее, как подчеркивал Ж. Бодрийяр, именно потребление превратилось в универсальный язык современности, порождающий знаки и сигналы, чье воздействие на культуру становится все более фундаментальным и определяющим. «Мы находимся на той стадии, когда “потребление” охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее, час за часом, когда “среда” целостна, имеет свой микроклимат, устроена, культурыализована» [Бодрийяр, 2006, с. 15].

Необходимо отметить, что и творчество, и потребление в пространстве публичных дискуссий и обсуждений рассматриваются крайне поверхностно. Во многом это связано с тем, что творчество и потребление утрачивают статус подлинных экзистенциальных практик, отрываются от подлинного живого опыта. Подобное отчетливо просматривалось уже через оптику философии экзистенциализма, в особенности, концепции присутствия (*Dasein*) Мартина Хайдеггера [Хайдеггер, 1997, с. 114–130], согласно которой бытие-в-мире рискует утратить подлинность в погоне за внешними, навязанными формами.

Прорыв же к подлинности требует экзистенциальной вовлеченности. В данном контексте можно рассуждать и о том, что выбор между творчеством и потреблением сам по себе начинает выражать меру человеческой подлинности.

Методология исследования

Исследование опирается на междисциплинарный синтез философских, социологических, психологических и культурологических подходов, направленный на анализ диалектики творчества и потребления в условиях цифровой эпохи. Методология включает следующие ключевые компоненты: экзистенциально-феноменологический подход М. Хайдеггера, исследование творчества и потребления как экзистенциальных практик, раскрывающих соответствующие модусы бытия-в-мире; критическую теорию, в особенности разработки Г. Маркузе, посвященные анализу репрессивных механизмов общества,

направленных на подавление творчества; постструктурализм М. Фуко и Ж. Бодрийяра, раскрывающий процессы нормализации, потребления и формирования индивидуальной субъектности. Кроме того, методологическая основа исследования дополняется концепцией самоактуализации А. Маслоу, теорией мотивации Д. Макклелланда, психологической концепцией медийной среды К. Метца, которые рассматривают понятия самоактуализации, пиковых творческих переживаний, исследуют трансформации мотивов достижения в условиях современности, влияние цифровой среды на индивидуальную субъектность. Исследование предлагает также рассмотреть перспективу использования концепции аутопоэзиса применительно к современной творческой личности.

Методологический плюрализм отражает сложность исследуемого феномена, объединяет критическую рефлексию с попыткой выработать принципы сохранения индивидуального творческого начала в современную эпоху.

Творческий успех сегодня

Дихотомия творчества и потребления проявляется в изменении понимания творческого успеха и успешности. Прежде творческий успех в гораздо большей степени ассоциировался с долгим вызреванием мастерства, мучительным приближением к идеалу, глубинным преображением всей личности творца, ее самореализацией. Современная культура интерпретирует творческий успех, в первую очередь, как социально-экономический результат, гипертрофируя его значимость до такой степени, при которой сам творческий процесс и духовный путь становятся чем-то глубоко вторичным.

Если прежде успех понимался как сочетание мастерства и общественного признания, и первое превалировало, сегодня со всей очевидностью доминирует второе. Важно не созидать, но быть увиденным. Новым идеалом становится странный симбиоз творца и маркетолога, чьи усилия направлены на производство успеха. Такой успех требует pragматичного расчета, визуальной броскости, умения генерировать социальный резонанс; творчество становится продуктом, откалиброванным под запрос аудитории. В этом контексте теория «десяти лет практики» Андерса Эрикссона и соавт. [Ericsson et al., 1993] меркнет перед необходимостью собрать тысячи лайков, репостов и комментариев.

Творец прошлого часто бросался в авантюру творчества, сознательно рискуя бывестностью и нищетой. Вспомним Ван Гога, чьи полотна обрели ценность лишь посмертно, пройдя через длительный период непризнания. Современный же успех напоминает инженерный проект, он конструируется, просчитывается, подстраивается под алгоритмы внимания. В этой гонке за признанием проступает геростратовский мотив — жажда славы любой ценой, готовность к самосожжению ради мимолетного триумфа. Современный культурный нарратив провозглашает успех конечной целью творчества, его высшим смыслом. Но если творческий акт сводится к производству успешного

контента, не превращается ли творец в полного заложника ожиданий аудитории? Не становится ли он, вместе с этим, алчным потребителем собственной популярности? Остается ли в таком случае грань между тем, кто создает, и тем, кто потребляет?

Современная психология отчасти оправдывает эту одержимость успешностью. Дэвид Макклелланд в своих работах отмечает, что люди с высокой мотивацией достижения воспринимают успех как жизненно необходимую обратную связь, подтверждающую ценность их усилий [Макклелланд, 2007, с. 262–267]. Однако стоит обратиться к примерам прошлого, и контраст покажется очевидным. Так Ирвинг Стоун описывал душевное состояние Ван Гога: «Винсент уже не жаждал успеха. Он работал потому, что не мог не работать, потому что работа спасала его от душевных страданий и занимала его ум. Он мог обходиться без жены, без своего гнезда, без детей; мог обходиться без любви, без дружбы, без бодрости и здоровья; мог работать без твердой надежды, без самых простых удобств, без пищи; мог обходиться даже без Бога. Но он не мог обойтись без того, что было выше его самого, что было его жизнью — без творческого огня, без силы вдохновения»¹.

Подобное восприятие творчества как экзистенциального долга кажется сегодня практически патологичным. Но именно в его трагичности заключена и определенная эстетическая сила. Полное самоотречение Ван Гога, его «бездостаточное горение» завораживают проявлением подлинной и всецелой погруженности, той самой экзистенциальной полноты, которую оказывается невозможно достичь ни миллиардными состояниями, ни предметами роскоши и от которой оказывается все более далеким представитель эпохи тоталитарного потребления.

Корни этой утраты — в самой структуре современности как области тоталитарного потребления. Информационная гиперстимуляция, ускорение социальных процессов, культ результата превращают творчество в гонку, которая оборачивается тем, что даже подлинность становится предметом потребления и вместе с этим сразу же утрачивается. Современный творец, стремящийся к подлинности, мгновенно социально формализуется вместе со своим творчеством: его творческий порыв каталогизируется, произведение превращается в фиксированный код, а стиль — в технически воспроизводимый *modus operandi* [Беньямин, 1996, с. 15–65].

Социальное давление и его механизмы

В рамках взаимодействия индивида и общества можно констатировать, что современные социальные системы не ограничиваются выработкой механизмов

¹ Стоун И. Жажда жизни: Повесть о Винсенте Ван Гоге / пер. с англ. Н. Банникова. СПб., 1993. С. 392.

сопротивления творчеству. Уже неомарксизм подробно исследовал активную экспансию социального в экзистенциальную сферу человеческого бытия. Как отмечал Г. Маркузе, институциональные структуры присваивают себе регулятивную функцию в отношении базовых экзистенциальных выборов индивида. «Очевидно, что современное общество, обладает способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утверждаться существенно новые институты, новое направление продуктивного процесса и новые формы человеческого существования» [Маркузе, 1994, с. XIV].

Согласно Маркузе, лишь автономия, в основном обретаемая на периферии общества, дает личности шанс сохранить некоторую самостоятельность, вместе с этим и способность к подлинному творчеству. Творческая личность в таких условиях оказывается противостоящей среде. Технологии соблазна, потребительского и конформистского поощрения этой среды отлажены до хирургической точности, а соответствующие механизмы интеграции превращают любое творчество в пригодный для потребления масс-контент.

Можно выделить две наиболее общие стратегии подавления творческого начала в современном обществе.

Нормализация потребления

Современные механизмы социализации изначально формируют потребительство как базовую жизненную установку. Творческие проявления систематически подавляются образовательными институтами — как мягко, так и жестко, — причем значительная их часть объявляется отклонением от социальной нормы. Социальные институты последовательно стремятся вернуть человека-творца в общий строй через механизмы нормализации, трансформируя его из потенциального оппортуниста в функциональный элемент действующей системы. Эти механизмы, описанные еще Фуко в контексте дисциплинарных обществ [Фуко, 1999], эволюционируют и сегодня находят новое описание в концепции насилия позитивности Бен Чхоль Хана [Хан, 2025]. Парадоксальным образом современная культура реализует репрессию через гедонизм, что находит подтверждение в исследованиях Гэрта Хоффстеде [Хоффстеде, 2014], согласно которым индивидуалистические общества культивируют «гедонистическую рациональность», подменяя самореализацию накопительством статусных символов. Как отмечает Славой Жижек, современный индивид начинает испытывать вину за недостаточное потребление [Жижек, 2024]. Нейромаркетинг, геймификация повседневности, экспансия сервисной экономики — все это создает систему «цифрового соблазна», в которой потребление захватывает жизненное пространство личности. Как отмечал Жан Бодрийяр, человек перестает выбирать товары — он потребляет знаки, незаметно превращаясь в соучастника системы, которая его же и порабощает [Бодрийяр, 2006, с. 122–123]. Творчество в такой парадигме либо становится товаром с предсказуемым спросом, либо исчезает как экономически нецелесообразное.

Гиперкритичность как инструмент контроля

Современная потребительская среда находится под влиянием культа перфекционизма, который проявляется на двух уровнях. На индивидуальном уровне он выражается в избыточной требовательности к себе, становясь психологической преградой для творческого развития, особенно на стадии формирования творческих навыков. На общественном уровне перфекционизм трансформируется в коллективную установку, направленную как на непосредственные предметы потребления — товары, услуги, — так и на опосредованные — Другой, его имидж, статус и т. п. Такого рода перфекционизм требует безупречности, формируя ценностные регулятивы идеального исполнения, безукоризненности, устойчивости к критике. С этой стороны перфекционизм также часто приводит к стигматизации естественных этапов творческого процесса, эксперимента, рефлексии, временных неудач, которые начинают трактоваться как профессиональная несостоятельность.

Особую роль в усилении этой тенденции играет цифровая среда. Современный контент в основной своей массе производится без глубокого творческого вовлечения автора; крайне популярны форматы обзора и реакции на уже готовый контент. В данных форматах автор в гораздо большей степени выступает в качестве критика, скрупулезного потребителя, но не творца. Схожим образом обстоит дело со зрительской аудиторией. Комментарии часто сводятся к шаблонным реакциям. В худших проявлениях обсуждение деградирует до токсичной конфронтации и языка вражды. Блогеры и их аудитория вовлекаются в циклы агрессивного взаимодействия, в которых конструктивная критика подменяется унижением, а творческие поиски — циничным троллингом. Наблюдая травлю «неидеальных» идей или даже участвуя в ней, потенциальные новаторы начинают ассоциировать творческую деятельность с перспективой осуждения, что добавляет причин воздержаться от творческих попыток. Анонимность онлайн-пространства усиливает этот эффект, превращая платформы для самовыражения в зоны повышенной агрессии.

В результате подлинное творчество оказывается под ударом. С одной стороны, его подавляет рыночная система, нацеленная на тиражирование гарантированно успешных шаблонов. С другой стороны, сама аудитория, вместо того чтобы выступать соучастником творческого процесса, становится инструментом его подавления, требуя немедленного совершенства и карая за малейшие отклонения от ожидаемого идеала. Таким образом, перфекционизм из стремления к совершенству превращается в механизм культурного конформизма, ограничивающего интеллектуальный и творческий потенциал общества.

Здесь же просматриваются и контуры выхода из сложившегося положения. Очевидно, преодоление системных ограничений должно начинаться с пересмотра субъектом творчества самой сути своего взаимодействия с миром. Тотальное давление среды способно стать и катализатором индивидуальной трансформации.

Новый творец видится не радикальным аскетом и не маргиналом. Он не эсакрист, не закрывается полностью от цифрового шума, хотя и обладает подобной возможностью. В нем критическая рефлексия сочетается со способностью

удержать в себе творческий мотив. Он не отвергает потребление, но переопределяет его логику. Ключевой трансформацией должен стать переход от реактивного творчества («ответа на вызовы») к проактивному. Субъект творчества мотивирован главным образом не адаптацией к системе, но источниками в пространстве сохраненной личностной автономии.

Следует также отметить и то, что современная эпоха создает уникальные условия для творчества. В качестве положительных моментов, связанных с творчеством и вселяющих надежду, можно выделить:

- ✓ доступность образования. XXI век принес развитие не только науки и техники, но и социальной сферы. Возросший уровень образования и новые возможности коммуникации открывают беспрецедентные перспективы вовлечения людей в творчество;
- ✓ вызовы среды. Расширение культурного пространства и интенсификация социокультурных процессов стимулируют поиск новых форм творчества и творческого синтеза;
- ✓ накопленный опыт. Многовековая практика позволяет человеку быстрее приобщаться к творчеству, овладевать его приемами и избегать прошлых ошибок;
- ✓ ослабление цензуры. Достигнутая степень правовой свободы упрощает следование творческому пути, избавляя творческую личность от изнурительной борьбы за право на творчество.

Выводы

Наиболее адекватным ответом на современные социально-антропологические вызовы становится формирование принципиально нового типа творческой субъектности. Ее ключевая особенность — способность преодолевать системные противоречия через трансформацию собственного сознания, соединяющего когнитивные и экзистенциальные аспекты.

Современный творческий субъект адаптируется к манипуляциям среды, стремящейся навязать ему роль пассивного потребителя. Это проявляется в выработке мобильности, умения перестраивать стратегии взаимодействия с миром и формировании когнитивной гибкости.

Новый тип личности отвергает как подчинение коньюмеристским установкам, так и архаичный идеал творца-аскета, изолированного от общества. Вместо этого формируется критическая автономия — навык избирательного взаимодействия со средой через критическую рефлексию. Такой субъект функционирует по принципу аутopoэтической системы, сочетая открытость к глобальным вызовам и герметичность по отношению к потребительским практикам и соблазнам, что, в свою очередь, обеспечивает адаптивную резистентность — способность восстанавливаться после столкновения с дисциплинарными механизмами власти — и онтологическую устойчивость — сохранение смыслового ядра личности под давлением социальных симуляков.

Современная творческая личность в полной мере выступает аутопоэтической системой [Луман, 2007, с. 104–121; Матурана, Варела, 2001, с. 95–143], непрерывно воспроизводящей собственную субъектность в экзистенциальном акте выбора творческого модуса существования.

Подлинное творчество — это деятельность, несводимая к внешней обусловленности, будь то рыночный спрос, социальные ожидания или идеологические требования. Именно в этой несводимости рождается субъектная автономия творческой личности. Творя, личность не просто производит объекты и смыслы, но и непрерывно воспроизводит саму себя, утверждая тем самым собственный онтологический статус.

Список источников

1. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 254–534.
3. Хорхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. с англ. А. Юдина. М.: Канон+; Реабилитация, 2011. 224 с.
4. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Ка-лугина, Н. Мовниной; науч. ред. А. Черноглазов. 2-е изд. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
7. Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Römer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // Psychological Review. 1993. Vol. 100. № 3. P. 363–406. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.3.363>
8. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
9. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / предисловие, составление, перевод и примечания С. А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 240 с.
10. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ., предисл. и примеч. А. Юдин. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
12. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М.: АСТ, 2023. 160 с.
13. Хофтеде Г. Модель Хофтеде в контексте: параметры количественной характеристики культуры / пер. с англ. В. Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
14. Жижек С. От свободы к освобождению / пер. с англ. А. А. Смолькина и М. Д. Белова; под ред. И. В. Напреенко // Социология власти. 2024. Т. 36. № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-8-28>

15. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева; под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. 360 с.

16. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

References

1. Maslow, A. (2019). *Motivation and personality* (3rd ed., T. Gutman, & N. Mukhina, Trans.). Piter. (Original work published 1954). (In Russian).
2. Berdyaev, N. A. (1989). The meaning of creativity. In N. A. Berdyaev, *Philosophy of freedom. The meaning of creativity* (pp. 254–534). Pravda. (In Russian).
3. Horkheimer, M. (2011). *Eclipse of reason. Critique of instrumental reason* (A. Yudin, Trans.). Kanon+. Reabilitatsiya. (Original work published 1947). (In Russian).
4. Metz, C. (2013). *The imaginary signifier: Psychoanalysis and the cinema* (2nd ed., D. Kalugin, & N. Movnina, Trans., A. Chernoglazov, Ed.). Publishing House of the European University at St. Petersburg. (Original work published 1977). (In Russian).
5. Baudrillard, J. (2006). *The consumer society: Myths and structures* (E. A. Samarskaya, Trans., Afterword, & Notes). Respublika; Cultural Revolution. (Original work published 1970). (In Russian).
6. Heidegger, M. (1997). *Being and time* (V. V. Bibikhin, Trans.). Ad Marginem. (Original work published 1926). (In Russian).
7. Ericsson, K. A., Krampe, R. T., & Tesch-Römer, C. (1993). The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance. *Psychological Review*, 100 (3), 363–406. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.3.363>
8. McClelland, D. (2007). *Human motivation*. Piter. (Original work published 1987). (In Russian).
9. Benjamin, W. (1996). *The work of art in the age of mechanical reproduction. Selected essays* (S. A. Romashko, Trans., Preface, Compilation, & Notes). Medium. (Original work published 1936). (In Russian).
10. Marcuse, H. (1994). *One-dimensional man* (A. Yudin, Trans., Preface and Notes). REFL-book. (Original work published 1964). (In Russian).
11. Foucault, M. (1999). *Discipline and punish: The birth of the prison* (V. Naumov, Trans., I. Borisova, Ed.). Ad Marginem. (Original work published 1975). (In Russian).
12. Khan, B.-Ch. (2023). *The burnout society. Negative experience in the era of excessive positivity* (A. S. Salin, Trans.). AST. (Original work published 2015). (In Russian).
13. Hofstede, G. (2014). Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Language, Communication and Social Environment*, (12), 9–49. (Original work published 2011). (In Russian).
14. Žižek, S. (2024) From freedom to liberation (A. A. Smol'kin, & M. D. Belov, Trans., I. V. Napreenko, Ed.). *Sociology of Power*, 36 (1), 8–28. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-8-28>
15. Luhmann, N. (2007). *Introduction to systems theory* (K. Timofeeva, Trans., D. Bekker, Ed.). Logos. (Original work published 2002). (In Russian).
16. Maturana, H., & Varela, F. (2001). The tree of knowledge: *The biological roots of human understanding* (Yu. A. Danilov, Trans.). Progress-Tradition. (Original work published 2001). (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Ростислав Викторович Васюков — кандидат философских наук, доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли Российской государственного социального университета, Москва, Россия.

Rostislav V. Vasyukov — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Modern Axiological Problems and Religious Thought at the Russian State Social University, Moscow, Russia.

rostislawwww@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-1904-1875>